

Марта Чепреги
Будапешт

ВОСТОЧНО-ХАНТЫЙСКИЕ ТЕКСТЫ С КОНЦА XIX ВЕКА

В 1883 году в Хельсинки девятнадцать профессоров создали Финно-угорское общество для систематического сбора данных о языках и этнографии родственных по языку народов. Задачи Общества приветствовались также и ведущими деятелями экономической и политической жизни Финляндии, которые своими щедрыми пожертвованиями создали материальную базу для деятельности Общества. Начиная со следующего года и до начала Первой мировой войны (1884–1914 гг.), за 30 лет 30 молодых исследователей провели несколько месяцев и даже несколько лет в научных экспедициях среди финно-угорских народов России, собрав огромное количество полевого материала по языкознанию и этнографии. С тех пор над выпуском этих рукописных материалов (словарей, записей по грамматике, собраний текстов, путевых заметок) непрерывно работают поколения исследователей.

1. В 1898 году Финно-угорское общество приняло решение отправить на территорию хантыйского языка 21-летнего Кустаа Фредрика Карьялайнена (Kustaa Fredrik Karjalainen, 1871–1919). К тому времени он уже окончил университет в Хельсинки и получил степень магистра наук финской лингвистики и финно-угроведения. Он также приобрел опыт полевых исследований по сбору языковых материалов и фольклора среди различных карельских групп. На территории Оби в период между 1898–1902 гг. он пребывал более четырех лет, за всё это время он всего один раз съездил домой на несколько месяцев. Он обошел почти все поселения хантов, расположенные вдоль реки Оби и её притоков. Карьялайнен начал свою экспедицию на притоках Иртыша, объехал реки Демьянка и Конда. Оттуда он направился в Сургут, но в скором времени продолжил свой путь по направлению к реке Вах. После недолгого пребывания в Финляндии он вернулся в Нарымский край на реку Васюган, затем отправился через Сургут вдоль Оби на север, в Берёзово и в Обдорск. Когда летом 1902 года Карьялайнен вернулся домой, то кроме письменных лингвистических материалов он привез с собой фотографии и звуковые записи, сделанные на фонографе. Кроме этого у него было множество записей по этнографии и народным верованиям, а также он подготовил большое количество записей о численности хантов и их демографической ситуации.

По возвращении домой, наряду с небольшими работами, он издал три важных монографии по языкознанию (по исторической фонологии, 1905), по этнолингвистике (1914) и мифологии (1918), но из-за его ранней кончины не удалось опубликовать все собранные им материалы. В 1948 году финский ученый Юрьё Тойвонен (Yrjö Toivonen, 1890–1956) издал его двухтомный диалектный словарь, а его грамматические записи (1964) и южно-хантыйские тексты (1975) выпустила венгерская исследовательница Эдит Вертеш (Vértes Edit, 1919–2002). После смерти Эдит Вертеш копии записей восточно-хантыйских текстов Карьялайнена достались мне, и я начала заниматься их

расшифровкой. Ниже я представлю материал сначала с содержательно-жанровой точки зрения, а затем более подробно рассмотрю несколько аспектов, указывающих на значение материала с точки зрения истории языка.

2. Первой территорией, где Карьялайнен записал восточно-хантыйские тексты, была река Тромьеган. В этом собрании объемом 68 страниц представлены три песни медвежьих игрищ, из которых две песни пробуждения медведя, и одна, прозвучавшая первой на медвежьих игрищах, – «Первая песня из ста песен медвежьих игрищ». Речь в ней идёт о том, как Кан-ики, который является сыном бога Торума, т.е. Князь-старец, обучает хантов охотиться и торговаться с русскими. Этот бог – тот же самый, которого на северных обско-угорских территориях зовут «за миром наблюдающим человеком». Особенно интересно, что партнёром Кан-ики в торговле был русский купец Керишка-пах Роменька, т.е. сын Гришки Роменька, иначе Роман Григорьевич. В 1990-х годах мне посчастливилось слышать несколько таких песен среди сургутских хантов на берегах рек Тромаган и Большой Юган, в которых также Керишка-пах Роменька был лучшим другом Кан-ики. Следовательно, этот когда-то живший в этих краях русский купец, предположительно историческая личность, попал в мифологию восточных хантов и по сей день занимает в ней важное место.

На Тромьегане Карьялайнен записал также более длинную героическую песню, которая примечательна тем, что мы знаем много западных хантыйских героических песен, а на восточной хантыйской территории это одна единственная песня, которая известна нам. Кроме этого тромьеганский материал содержит ещё несколько коротких клятв и молитв, а также 25 загадок. К последним прилагается перевод на финский язык. Остальные тексты остались без перевода, на полях записей можно найти несколько пояснений.

В Ликрисово, которое находится на границе сургутской и вах-васюганской диалектной территории, Карьялайнен записал пять коротких песен медвежьих игрищ объёмом в семь страниц.

Васюганское собрание – самое обширное, объёмом 89 страниц. В нем есть сновидящая сказка, в которой герой рассказывает о своём жизненном пути, есть также одна песня, рождённая под действием мухомора. По мнению Карьялайнена, «мухоморные песни» – это отдельный жанр, но из них нам известна только эта одна. Кроме этого собрание содержит три любовных песни, одну колыбельную, одну личную песню и две песни медвежьих игрищ.

К сожалению, нам очень мало известно об информантах. Исследователи конца XIX-ого, начала XX столетия особо не распространялись об обстоятельствах сбора полевого материала и об информантах. В конце некоторых тромьеганских текстов можно прочесть имя Ал. Кечемеп; он, по всей видимости, является родственником по восходящей линии современных хантов по фамилии Кечемов/Кечимов. У информанта из Ликрисово Карьялайнен указал только возраст (69 лет). Благодаря скопированным Карьялайненом и находящимся в архиве Финно-угорского общества церковным свидетельствам о рождении, можно было установить его имя: Алексей Ни[ки]форовъ Черкасовъ. В васюганских записях фигурирует только одно имя, стоящее под песнями: Исидоръ Васильевъ Юрломгинъ юрты Юрломгины. Это интересно тем, что юрты Юрломкины (раньше Юрломгины) находятся на Югане, а не на Васюгане. Разве Исидор Васильев переселился на Васюган? Не знаем.

Большое значение имеют все три сборника текстов. На самом восточном хантыйском диалекте, на васюганском, в XX столетии опубликовали относительно небольшое число текстов (Калинина 1970, 1976, Honti 1982, 1984, Steinitz 1989: 559–573, Калинина–Фильченко 2009). В настоящее время в Томском университете проходит исследование васюганского диалекта (Filchenko 2010), но поскольку в наши дни количество носителей языка составляет 20 человек (Filchenko 2008), то особо можно не надеяться на значительное пополнение материалов. Это и придает текстам ценность. На ликрисовском говоре сегодня предположительно уже никто не говорит, поэтому записи Карьялайнена – это единственный памятник этого говора. Сургутский диалект (говор которого тромьеганский), начиная с конца XX столетия, достаточно хорошо документирован, поэтому собранные Карьялайненом тексты могут прояснить многие вопросы по истории языка. Каждый текст может быть важным и с точки зрения исследования фольклора.

Рукописи Карьялайнена упорядочены и хорошо читаются. Та версия, которая находится в архиве Финно-угорского общества, пожалуй, не первая запись, а его чистовой вариант. Карьялайнен безусловно готовил свои тексты к изданию и непрерывно ими занимался. Например, в своей большой монографии по мифологии «Религия югорских народов» (*Jugralaisten uskonto*) он дословно приводит финский перевод молитвенных текстов и клятв.

В готовящемся издании я хотела бы отойти от той практики, которой придерживались предыдущие издатели наследия Карьялайнена Юрьё Тойвонен и Эдит Вертеш. Они точно передали транскрипцию Карьялайнена, скопировали его каждые буквы и диакритические знаки. Помимо этого Эдит Вертеш в добавленных пояснениях к текстам также упоминала и то, когда Карьялайнен исправлял одну букву на другую. В целях более удобного использования издания я хотела бы переписать тексты Карьялайнена в соответствии принятой на настоящий момент фонематической транскрипцией, сохранив при этом несколько характерных для Карьялайнена способов обозначения звуков. Однако современная технология позволяет читателю познакомиться и с оригиналом. По плану Финно-угорского общества копии рукописи Карьялайнена будут доступны на сайте общества. Таким образом, если кого-то интересуют тонкости записей, то на сайте он сможет удовлетворить своё любопытство.

По-видимому, у Карьялайнена не было возможности переписать начисто васюганские тексты, поскольку они читаются труднее, в них много перечеркнуто и исправлено. В настоящее время тромьеганские и ликрисовские тексты я уже переписала, большинство из них расшифровала, перевела на венгерский. Расшифровка васюганских текстов будет сложнее, это следующая моя задача.

3. Далее я хотела бы рассмотреть несколько лингвистических вопросов, связанных с вышеупомянутыми текстами.

3.1 Собранный Карьялайненом материал в Ликрисово, с которым уже ранее были знакомы исследователи работ Карьялайнена, особенно стал важным в изучении финно-угорской исторической фонетики. Причина в том, что информант Карьялайнена там, где сургутские ханты обычно произносят фрикативный звук л, он произносил звук θ. Точно также палатальная пара (á) фрикативного л слышалась как θ' или ź. Этот факт уже заставил задуматься и

Карьялайнена, он видел в нём архаичное произношение. После Карьялайнена многие исследователи по исторической фонетике рассматривали данное явление как сохранившийся архаизм. Ведь этим звуком очень хорошо можно объяснить отклоняющееся развитие прафинно-угорских звуков *s и *l в некоторых хантыйских диалектах. Чтобы понять значимость этого, сделаем краткий обзор исторической фонетики.

Звуки прафинно-угорского языка *s и *l в современных диалектах хантыйского языка (кроме васюганского) совпадают со звуками l, л или t. Более подробно:

(1) PFU *s > V, Sur, Obd. l, Vj, j/ø, Kaz, Szurg, л oD, Ser, Szal t

(2) PFU *l > V, Vj, Sur, Obd. l, Kaz, Szurg, л oD, Ser, Szal t

Если мы перенесем это явление на карту, то увидим, что по краям языковой территории (Вах, Обдорск, Березово) произносят звук, схожий с произношением венгерского l, отсюда немного западнее и южнее (Сургут, Казым) фрикативный л, а в центре (центр означает территорию сливания Оби и Иртыша) и, следовательно, в южных диалектах и в округе Салым и Шеркалы произносят звук t. В сургутской диалектной группе отличается ликрисовский говор, поскольку только там Карьялайнен записал звук θ. Рассмотрим также две известные этимологии:

(3) V löl Vj VK jöł Likr. θöθ, θəθ Mj. Trj. J > ò> Irt. (DN КоР Kr Ts) tət Ni. Š tăt Kaz. лӱл Sy. läl O läl венг. öl 'Klafter, Faden', рус. колени (DEWOS 753)

(4) V Vj lil Likr. θiθ, Vart. Mj. Trj. J лil Irt. (DN КоР Kr Ts) tit Ni. Š tīt Kaz. лӱл Sy. līl O lil венг. lélek рус. душа (DEWOS 749)

Однако более поздние исследования, особенно история обско-угорского консонантизма Ласло Хонти, ясно доказала, что ликрисовский звук θ был не сохранившийся архаизм, а дефект произношения информанта (1999: 101). И если это так, то его обозначение не следует далее переносить из издания в издание. Поэтому я, поскольку хочу переиздать тексты Карьялайнена с помощью фонематической транскрипции, в ликрисовских текстах вместо θ написала бы привычный в сургутском диалекте хантыйского языка звук л.

3.2 В оставшейся части моего доклада я рассмотрю такие морфо-синтаксические вопросы, которые объясняют изменение языка. Первый связан с номинализацией причастия настоящего времени.

В восточных диалектах хантыйского языка действительное причастие настоящего времени без суффиксов встречается лишь в роли определения, то есть, будучи второстепенным членом предложения, оно занимает начальную позицию в определительных конструкциях, например:

(5)	<i>arəγ</i>	<i>tutə</i>	<i>ko</i>	'песню приносящий человек'
	песня	приносить -PPRS	человек	

Переход причастия, имеющие притяжательный суффикс, в категорию существительного хотя и редко, но всё же встречается, например:

- (6) *soččaal* *seŋ'əł* 'его шаги слышатся'
шагать-PPRS-PX3SG слышиться-PRS-VX3S

Следовательно, причастие номинализируется в качестве его подлежащего от глаголов со значением «слышится», «виднеется», а в качестве его объекта от глаголов со значением «слышит», «видит».

Причастие, имеющее притяжательный суффикс и окончание обстоятельства или послелог, может выполнять функцию обстоятельства, например:

- (7) *Tu* *məntamnə* 'когда я шёл'
так идти-PPRS-PX1SG-LOC

Такие причастные обороты могут выступать в качестве обстоятельства, в подобных случаях речь не идёт о переходе из одной части речи в другую.

Из записанных Карьялайненом загадок в шести отгадках причастие настоящего времени без суффикса стоит в роли главного слова, как имя существительное. С подобным примером я ещё не встречалась в других восточно-хантыйских текстах. Насколько мне известно для того, чтобы имя действия (*nomem actionis*) образовалось, всегда необходимо какое-либо служебное слово – номинализатор, в функции определяемых имен, имеющий достаточно общее значение. Такие слова, например, *wǎr* 'дело', *ot* 'вещь', *taŋi* 'место' и так далее. Например:

- (8) *məntə* *wǎr* 'идушее дело, ход/продвижение'
идти-PPRS дело

Однако в отгадках находим и следующее:

- (9) *sǎpərki wōktə* 'кваканье лягушек'
лягушка звать-PPRS

- (10) *pečyan sōkəntə* 'винтовочный выстрел/выстрел из винтовки'
винтовка стрелять-PPRS

- (11) *rupi* *wōŋnə* *ǎltə* 'лёжка медведя в берлоге'
медведь берлога-LOC лежать-PPRS

Номинализированное причастие также имеет глагольные признаки, берет дополнение и обстоятельство:

- (12) *kõčəynat juu nõ^wγərtə* 'резка дерева ножом'
 ножь-СОМ дерево резать-PPRS
- (13) *sətəpə pultə* 'прятки в чехол для ножа'
 чехол для ножа-LAT всунуть-PPRS
- (14) *najsul nõknam məntə* 'поднимание искры вверх'
 искра вверх-APPR идти-PPRS

Наш вопрос следующий: является ли эта функция причастий настоящего времени особенной, свойственной только для жанра загадок, или можно встретить это и в разговорном языке? Если да, то за последние сто лет произошло интересное изменение в использовании причастий: сузился круг использования причастий без суффиксов. Теперь они могут появиться только в качестве определения, хотя раньше номинализация была возможной без номинализатора-служебного слова. Этот вопрос надо выяснить у носителей языка.

3.3 Я заметила и другое, возможно, синтаксическое изменение в молитвенных текстах. Я представлю два из них: один обращается к медведю, другой – к огню.

(15) *pupi! kuntə tem ko rəγəp wər, tām əj tɬlās wāli tɬlās kōltə latnə pit' təγtə, pəŋkəl təγtə kəse!*

Медведь! Если этот человек совершил обман, в течение месяца, по истечении месяца его бедро, его лопатку разорви на куски!

(16) *jiməŋ naj əwi! kuntə tem ko lilməm čəjə, əj tɬlās wāli kutəl seisəŋkiγə wəre!*

Святая дева огня! Если этот человек на самом деле украл, в течение месяца реверти его дом в пепел!

В этих проклятиях интересно использование слова *kuntə* «когда». В современном использовании это или вопросительное слово в значении «когда», или же условный союз (импликация) со значением «если». В настоящее время значение этого слова зависит от его места в предложении. В начале предложения в значении «когда»:

(17) *ḡuntə mənlən* 'когда ты пойдёшь'

А в конце предложения в значении «если»:

(18) *mənlən ḡuntə* 'если пойдёшь/уйдёшь...'

В вышеприведенном примере стоящее в начале предложения слово *ḡuntə* вводит условное придаточное предложение (*kuntə tem ko lilməm* «если этот человек украл...»). Из этого следует, что сто лет назад ещё не закрепилось место условного союза в конце предложения, а слово *ḡuntə*, зависящее от контекста, могло быть как вопросительным словом, так и условным союзом. Но, если мы

пролистаем грамматические записи Карьялайнена (Karjalainen–Vértés 1964: 269), то увидим, что и в начале XX столетия использовали современный порядок слов, – тот, который находится в примере (18). Как сообщает Карьялайнен, эта конструкция вытеснила в то время причастие с суффиксом ^{TM-}, имеющее условное значение.

Тогда как же мы можем объяснить порядок слов в предложении (15), (16)? Это скорее всего ещё более ранние сведения о состоянии языка. Сакральные тексты, известные своей архаичностью, и слова магии нельзя изменять, иначе они потеряют свое влияние. Поэтому в них сохраняются такие конструкции, которые в разговорном языке уже не используют.

Следующий вопрос напрашивается сам собой: под влиянием чего оказался условный союз в конце предложения в хантыйском языке? Скорее всего, под влиянием других частиц с условным значением, которые также находятся в конце словосочетаний. Такая, например, частица *ke* * в северных обско-угорских диалектах, – и в хантыйских и в мансийских (Bakró-Nagy 2006). На вах-васюганской территории известна частица *tõŋ*, на сургутской территории частица *õläŋ* и присоединяющая к причастиям частица *-ka*:

(19) *jăkə jõwattan-ka* 'если придешь/прибудешь домой'
домой приходить/прибыть-PPRS-PX2SG-если

Когда носитель языка в условном предложении использовал слово *kuntə* в качестве условной частицы, тогда он добавлял ее туда, куда требовалось: после глагола в конец предложения. Так появилась новая лексическая единица, отличающаяся при помощи порядка слов, которая омонимична с вопросительным словом.

4. В своем докладе я рассмотрела только несколько вопросов, с которыми я столкнулась во время подготовки к изданию текстов Карьялайнена. Во время работы постоянно сталкиваюсь с подобными волнующими загадочными явлениями. После их расшифровки, возможно, мы станем ближе к познанию истории восточных диалектов хантыйского языка.

Литература

- Bakró-Nagy Marianne 2006: Grammatikai kölcsönzés és grammatikalizáció. In: Sipos Mária (szerk.): Obi-ugorok a XXI. században. MTA Nyelvtudományi Intézet, Budapest (CD).
- Csepregi, Márta 2004/2005: Zur Syntax der chantischen Rätsel. FUM 28/29: 19–43.
- Filchenko, Andrey 2008: Indigenous Languages & Cultures of Siberia. – <http://www.policy.hu/filtchenko> 10.7. 2008
- Filchenko, Andrey 2010: Aspect of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk.
- Honti László 1982: Vaszjugáni osztják szövegek. NyK 84: 121–164.
- Honti László 1984: Vaszjugáni osztják mese. NyK 86: 185–190.
- Honti László 1999: Az obi-ugor konszonantizmus története. Studia uralo-altaica supplementum 9. Szeged: József Attila Tudományegyetem.

- Karjalainen, K. F. 1905: Zur ostjakischen Lautgeschichte I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. MSFOu. 23.
- Karjalainen, K. F. 1913: Wie Ego im Ostjakischen die Verwandten benennt. FUF 13: 207–295.
- Karjalainen, K. F. 1918: Jugralaisten uskonto. Suomen suvun uskonnot III. Porvoo. (по немецки: Die Religion der Jugra Völker. I–III. Porvoo 1921, 1922, 1927; по русски: Религия югорских народов. I–III. Томск, 1994, 1995, 1996.
- Karjalainen, K. F. – Toivonen, Y. H. 1948: Ostjakisches Wörterbuch. LSFU X/I–II. Helsinki.
- Karjalainen, K. F. – Edith Vértes 1964: Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. MSFOu. 128.
- Karjalainen, K. F. – Edith Vértes 1975: Südostjakische Textsammlungen. Bd. I. MSFOu. 157.
- Steinitz, Wolfgang 1989: Texte aus dem Nachlass. Ostjakologische Arbeiten III. Budapest: Akadémiai Kiadó
- Калинина, Л.И. 1970: На берегу чертовой речки / Языки и Топонимия Сибири. Под. ред. А.П. Дульзон. ТГУ. П-1. стр. 88–95.
- Калинина, Л.И. 1976: Сказки и бытовые тексты (Васюган) / Сказки народов Севера. Под. ред. Т.И. Поротова. ТГУ. П-2. стр. 124–138.
- Калинина, Л.И. – Фильченко, А.Ю. 2009: Хантыйские тексты / Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. ТГПУ, Томск, стр. 12–44.